

спрашиваемъ: зналъ ли онъ, что все это будетъ напечатано? Конечно, зналъ и не могъ не знать; чѣмъ же въ такомъ случаѣ дневникъ Толстого отличается отъ другихъ его произведений?

Я бы сказалъ, что вообще начальный и срединный періоды жизни великаго русскаго кладовщика интереснѣе его послѣднихъ лѣтъ. Отъ первыхъ двухъ томовъ труда г. Бирюкова при чтеніи нельзя оторваться; я не скажу этого о третьей книгѣ; четвертый томъ отводится періоду полной святости... Въ пемъ будетъ чловѣкъ, нашедшій истину и навсегда успокоившійся въ *refugium tutissimum* изобрѣтенной имъ вѣры. По крайней мѣрѣ, такимъ его изобразить, конечно, П. И. Бирюковъ; пожелаемъ почтенному био-

графу успѣха въ трудной задачѣ.

Въ берлинское изданіе біографіи Толстого включена новая глава, не печатавшаяся при жизни Софьи Андреевны: предшествовавшій женитьбѣ Льва Николаевича его романъ и пореписка съ одной свѣтской барышней, фамилию которой г. Бирюковъ не считаетъ удобнымъ назвать. Эта глава книги представляетъ совершенно исключительный психологическій интересъ; но въ настоящей краткой замѣткѣ я не имѣю возможности на ней остановиться.

Въ остальномъ, если память мнѣ не измѣняетъ, берлинское изданіе не отличается отъ перваго; русскаго. Книга издана хорошо и стоитъ она очень недорого.

М. Алдановъ.

Петръ Струве. „Итоги и существо коммунистическаго хозяйства“. Тип. „Слово“. Берлинъ.

Рецензируемая брошюра представляетъ собою воспроизведеніе рѣчи, произнесенной авторомъ на съѣздѣ представителей русской промышленности и торговли въ Парижѣ 17 мая 1921 г. Рѣчь эта, далекая и по своимъ заданиямъ и по своему построению отъ характера и практическихъ цѣлей того собранія, на которомъ она была произнесена, не обратила на себя въ свое время того вниманія, котораго она безусловно заслуживаетъ.

Въ ней со свойственнымъ автору теоретическимъ безпокойствомъ затрагивается рядъ серьезныхъ, можно сказать, коренныхъ проблемъ, поставленныхъ передъ нами такимъ огромнымъ явленіемъ новѣйшей исторіи, какъ большевизмъ. Обь объективной разработкѣ этихъ проблемъ въ брошюрѣ П. Струве не можетъ быть и рѣчи. Струве слишкомъ тѣсно связанъ съ практической политикой, чтобы

сохранить объективность научнаго анализа. Здѣсь нѣтъ не только рѣшенія проблемъ, здѣсь нѣтъ даже и ихъ разработки. Здѣсь только поставлены вопросы. Тѣмъ не мѣнѣе вопросы эти столь волнующаго свойства, что игнорировать ихъ совершенно невозможно.

Центральный изъ нихъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: могутъ ли быть практика и послѣдствія большевистскаго режима вмѣнены социализму, какъ теоріи, міросозерцанію и практикѣ освободительной борьбы трудовыхъ массъ противъ политическихъ и экономическихъ устоевъ буржуазнокапиталистическаго порядка? Отвѣчаетъ ли, коротко говоря, социализмъ за большевизмъ?

II Струве считаетъ, что большевизмъ явился первымъ опытомъ «послѣдовательнаго осуществленія социализма». «Если — заявляетъ П. Струве — опытъ этотъ совершенно не удался, если онъ объективно привелъ къ неслыханному регрессивному метаморфозу народнаго хозяйства, то этотъ результатъ не можетъ быть вмѣненъ лишь одной культурной незрѣлости Россіи. Имъ ставятся подъ вопросъ самыя принципиальныя основы социализма, а не только историческія условия и политическіе методы осуществленія даннаго опыта. Почему не удался социалистическій опытъ? Потому ли, что русскій крестьянинъ дикъ, что русскій рабочій не далеко ушелъ

отъ крестьянина, что мѣшала «блокада» и т. д. и т. д., или потому, что принципы социализма несовмѣстимы съ нормальной хозяйственной жизнью, что ихъ примѣненіе подрываетъ производственную энергію труда».

II Струве выбираетъ второе рѣшеніе. Большевизмъ потому не удался, что онъ социализмъ, а социализмъ — это «уравнотельный идеалъ», подрывающій производственную энергію труда.

Поскѣльку это возможно въ предѣлахъ рецензіи, на этой концепціи слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Не подлежить никакому сомнѣнію, что большевизмъ является жестокимъ испытаніемъ социализма. Большевизмъ вышелъ изъ социализма. Онъ пустилъ въ оборотъ нѣсколько разрозненныхъ идей социализма, изъ которыхъ въ частности идея «диктатуры пролетаріата» сыграла столь роковую роль, что даже самый этотъ терминъ Каутскій находитъ необходимымъ изгнать изъ социалистическаго словаря. Конечно, основныя идеи социализма большевизмъ жестоко извратилъ, превративъ его изъ исторически обусловленнаго строя экономическихъ отношеній въ вульгарную теорію и практику насилія угнетенныхъ массъ, примѣнимаго всюду и всегда, гдѣ находятся склонныя къ насилию и имѣющія возможность побѣдно его осуществить массы. Поэтому вмѣнять большевизмъ теоріи со-

циализма столь же бессмысленно, какъ инквизицію, антиеврейскіе погромы и т. п. явленія вмѣнять ученію Христа. Не было въ исторіи человѣчества ни одного ученія, ни одной самой возвышенной идеологіи, которыя не подверглись бы практическому искаженію, которыя временами не превращались бы въ практическое изувѣрство. На томъ основаніи, что не удался опытъ, хотя бы и широко поставленный, большевизма, можно придти и къ другому выводу. Можно сказать: вотъ къ чему приводитъ опытъ осуществленія социализма вопреки тѣхъ историческихъ предпосылокъ, которыя для этого требуются.

Съ этой точки зрѣнія только удача большевизма могла бы скомпрометировать социализмъ. Если бы при режимѣ диктатуры, безправія, тираническаго господства меньшенства надъ большинствомъ возможенъ были социализмъ въ видѣ обобщенія средствъ и орудій производства; если бы возможенъ сталъ ростъ богатствъ и развитіе производительныхъ силъ — тогда это было бы убійственнымъ для всей идеологіи социализма. Общество превратилось бы въ заводъ породистыхъ, сытыхъ, богатыхъ... свиней. Но это парадоксъ, а не историческая возможность. Струве, однако, долженъ былъ бы этотъ гипотетическій свинарникъ благословить, ибо, если неудача большевизма опровергаетъ социа-

лизмъ, то удача большевизма должна была бы такой съ позволенія сказать «социализмъ» благословить. Къ этому печальному исходу его бы привело вмѣненіе большевизма социализму.

Характерно, что писатель и ученый, очень хорошо знающій литературу социализма, при анализѣ вопроса—почему не удался большевизмъ, останавливается только на этомъ: дикій мужикъ, дикій рабочій, «блокада». После этого слѣдуетъ только: «и т. д. и т. д.» Ну, почему бы ученому, побывавшему въ марксистахъ, не вспомнить о болѣе объективныхъ факторахъ: о примитивномъ состояніи русской экономики, о томъ, что всего 60 лѣтъ назадъ чало въ Россіи крѣпостное право, а крѣпостныя отношенія пали еще позже? Отчего бы ему вмѣсто «и т. д.» не вспомнить было про ничтожное развитіе городовъ, про низкій уровень техники? Вѣдь понимаетъ же П. Струве, что все это гораздо важнѣе «блокады» и т. п. пустяковъ, которыми жонглируютъ при объясненіи своихъ неудачъ большевики.

Это одна сторона дѣла. А другая заключается въ томъ, что если даже миновать эти экономическія причины неудачи, то вѣдь остается еще политическая обстановка опыта, которая привела бы къ неудачѣ даже при личности соответственныхъ экономическихъ предпосылокъ. Но П. Струве эту сторону миуетъ совершенно. Она не укладываетъ

ся въ его задачу: вмѣнить большевизмъ социализму. Это ему рисуется гораздо болѣе благодарной задачей, чѣмъ вмѣнить регрессивный метаморфозъ Россіи политическому рабству и произволу и всей безумной утопіи строить высшія формы экономики на примитивной базѣ натурального хозяйства.

Надо, однако, оговориться, что и социализмъ то у Струве особенный. Главный принципъ социализма это по Струве «эгалитаризмъ». Онъ находитъ что эгалитаризмъ въ корнѣхъ противорѣчить буржуазной идеологіи. И онъ не правъ вдвойнѣ. Эгалитаризмъ не специфическій принципъ социализма и буржуазная идеологія не чужда принципамъ эгалитаризма. Въ этой области социализмъ является только продолженіемъ либерализма. Социализмъ не требуетъ равныхъ для всѣхъ благъ. Социализмъ требуетъ только равныхъ для всѣхъ условій пріобрѣтенія и завоеванія благъ. Либерализмъ, прославивъ и допустивъ право собственности на орудія и средства производства, крайне сузилъ право собственности на результаты производства. Социализмъ, суживая и совершенно отнимая право собственности на орудія и средства производства, безгранично расширяетъ право собственности на его результаты. Но для этого требуется равенство условій. Социализмъ под-

вель подъ эгалитарную идеологію экономическій фундаментъ. И если П. Струве такъ высоко цѣнить «начало расцѣпки людей по ихъ личной годности», то социализмъ только повышаетъ мѣрило расцѣпки. При капитализмѣ право расцѣпки годности индивидуума принадлежитъ частному собственнику орудій и средствъ производства. Его мѣрило — мѣрило личнаго обогащенія, а потому оно не можетъ быть объективнымъ. Социализмъ передать это право общественному коллективу, чье мѣрило благо цѣлаго, гораздо болѣе объективно и гораздо болѣе «годно» для опредѣленія личной годности человѣка.

Все это, однако, къ большевизму не имѣетъ никакого отношенія, потому что ни начала равенства, ни начала отбора по признаку годности не имѣютъ мѣста въ военно-крѣпостническомъ господствѣ, гдѣ равны между собою рабы, а расцѣпка людей производится съ точки зрѣнія ихъ личной годности въ пашпортники надъ рабами.

Большевизмъ вышелъ изъ социализма. Но именно вышелъ, а не остался въ немъ. Такъ Струве тоже «вышелъ» изъ социализма. То, что они изъ него вышли, показываетъ, что они ему, а онъ имъ были совершенно чужды.

Ст. Ивановичь.